18+

Елена Асвойнова-Травина

Размышления над календарем

Елена Асвойнова-Травина

Размышления над календарем

«Издательские решения»

Асвойнова-Травина Е.

Размышления над календарем / Е. Асвойнова-Травина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832759-9

Праздники… их так много в нашем календаре! Мы так любим их отмечать — но задумываемся ли мы при этом об их смысле и вообще о чём-нибудь? А ведь любой праздник — замечательный повод поразмыслить… этим и занимается автор, приглашая читателя присоединиться к размышлению.

ISBN 978-5-44-832759-9

© Асвойнова-Травина Е.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие 6
Январь 8
Рождество Христово 10
Татьянин день 12
Февраль 14
День Защитника Отечества 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Размышления над календарем
Елена Асвойнова-Травина

© Елена Асвойнова-Травина, 2019
ISBN 978-5-4483-2759-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Я назвала эту книгу «Размышления над календарём», хотя правильнее было бы назвать «Размышление над красными днями календаря», поскольку речь пойдёт о праздниках.

То, что наш народ любит праздники – факт общеизвестный. Впрочем, кто же их не любит? Таких людей можно разделить на четыре категории:

Первая категория – — те, кому повезло с работой: они свою работу настолько любят, что расстаться с ней лишний раз становится для них тяжёлым испытанием. **«фанатики»**

К первой категории отчасти примыкает вторая – « – те, кому вынужденный простой в работе, связанный с праздником, создаёт (постоянно или ситуативно) серьёзные проблемы. **вечные двигатели»**

Категория третья – – те, кому не повезло с семьёй: для них праздник – это лишний день, проведённый либо в одиночестве, либо среди рычащих, гавкающих и кровососущих родственников. **«мальчики/девочки для битья»**

И наконец, категория четвёртая – : милиция, медики, пожарники и прочие, кому по долгу службы часто приходится работать по праздникам (действительно, обидно: все веселятся – а ты утихомириваешь, или откачиваешь, или вытаскиваешь из огня тех, кто повеселился сверх меры). **«стражи»**

Не всегда эти категории встречаются в чистом виде – чаще всего можно наблюдать различные комбинации. Так, комбинация «стража» с «фанатиком» практически неизбежна (особенно если учесть, как мало государство ценит труд этих людей). «Фанатик» также часто сочетается с «вечным двигателем» (это явление носит название «трудоголик» и очень ценится начальством – но не приведи судьба иметь такое в семье). Комбинация первых трёх категорий – это классический вариант «непонятого гения» (и слава Создателю, если он действительно гениален). Сочетание же «вечного двигателя» и «мальчика для битья» при отсутствии качеств «фанатика» – это люди, поистине достойные сострадания. В лучшем случае, они представляют собой постоянный источник дохода для психотерапевтов и производителей антидепрессантов, в худшем – пополняют собой и без того огромную армию инфарктников, инсультников и самоубийц – и плачут о них вполне искренне: начальство лишается идеальной шестерёнки, родственники – источника средств к существованию, или многофункциональной бытовой техники, или идеального коврика для ног со встроенным резервуаром для слива отрицательных эмоций – тут тоже возможны варианты и комбинации (подробно останавливаться не будем – это тема для отдельного разговора).

Исключая описанные категории людей, праздники любят все, и это можно понять: интересной работы, которую действительно можно любить безумно, на всех не хватает, а работа не особо любимая, как известно, в лес не убежит, а раз так – можно не беспокоиться и лишний раз побыть с родными, увидеться с друзьями, вкусно поесть, не рискуя прослыть обжорой, выпить, не чувствуя себя алкоголиком (правда, не всегда праздник является выходным днём – но наесться и напиться это ещё никому не мешало, иногда – прямо на рабочем месте)…

Всё это, конечно, хорошо – но всё-таки праздники существуют не для этого (во всяком случае, не только для этого). Недаром в календарях их отмечают красным цветом – ведь когда-то кто-то отметил эти дни живой кровью своего сердца… для чего? Наверное, для того, чтобы мы лишний раз могли вспомнить, что мир существовал задолго до нашего рождения, что все те, о ком мы читали в учебниках истории (и забывали, как только звенел звонок с урока), когда-то жили на Земле – совсем как мы сейчас! – и, видимо, заслужили что-то большее, чем просто тире между двумя датами… Праздники нужны нам, чтобы мы могли лишний раз поразмыслить о прошлом, настоящем и будущем, а главное – о том, где на этой бесконечной пря-

мой, протянутой от Большого Взрыва неведомо к чему, располагается точка, которую мы зовём своей жизнью…

Поразмышляем вместе!

Январь
Новый год

Итак, Новый год… уж если говорить о нём, то начинать надо было бы не с января, а с последних чисел декабря – всё самое главное делается именно тогда. Как надо встречать Новый год, я знаю очень хорошо: надо припасти подарки всем родственникам и друзьям, нарядить ёлку, надо испечь пироги (такой большой, круглый – со сладкой начинкой – и много-много маленьких с мясом, капустой, грибами или чем-нибудь ещё), порезать салат (кому – «Оливье», кому – винегрет, кому – сельдь под шубой… а я люблю «Мимозу»), ещё обязательно должна быть бутылка шампанского (в нашем доме оно бывает только безалкогольным – но это уже детали) … ах да, ещё надо посмотреть «Иронию судьбы» (тут, как и с салатами, возможны варианты: «Карнавальная ночь», например… лично я предпочитаю «Чародеев»).

Теоретически я знаю, что если я всего этого не сделаю, планета всё равно повернётся и единица времени сменится… но не проверяю! И не буду проверять – как древний шаман никогда не рискнул бы проверить, взойдёт ли Солнце, если он в предрассветный час не совершит свой магический обряд: а ну как и впрямь не взойдёт – как же жить-то тогда без Солнца?

Да-да, я всё прекрасно знаю: что обычай наряжать ёлку, как и встречать Новый год первого января, завёз к нам Пётр I (вместе со всеми прочими западными заимствованиями, в большинстве своём оказавшимися более чем сомнительными), а впервые её нарядил, говорят, Мартин Лютер (вот кто никогда не вызывал у меня ни симпатии, ни уважения!), что традиция поднимать бокал шампанского под бой курантов ещё моложе, не говоря уже о фильмах… Но я-то знаю, что так было ВСЕГДА. Для конкретного человека «всегда» означает «сколько я себя помню». А ещё я знаю, что так было всегда, сколько помнят себя моя мать и мой отец… кто-то считает, что этого недостаточно для традиции?

Мы привыкли приклеивать к слову «традиции» эпитет «древние» – и как-то забыли, что даже самые древние традиции были таковыми не всегда, что любое действие, идущее из незапамятных времён, кто-то когда-то совершил впервые. Мы не знаем, кто это был, но если бы знали – что бы изменилось тогда? Неужели обычай печь блины на Масленицу был бы менее дорог нашему сердцу, если б мы точно знали, кто и в каком году испёк их впервые? И разве пекли бы мы их до сих пор, если бы современники и ближайшие потомки этого безымянного гения находились под таким же обаянием «магии больших чисел», как мы, и брезгливо морщились при упоминании о традиции, которой только ещё предстоит стать древней?

Традиция не обязательно должна сопровождать человечество от Эдемского сада до Страшного суда – она может существовать в масштабах жизни одного народа, одного поколения – и даже одной человеческой жизни. Вспомните, в фильме «Разные судьбы» в семье Рощина существовала традиция: все свои премьеры он – прославленный композитор, состоятельный по тем временам человек – отмечал с женой весьма скромной трапезой – ситро и картошка в мундире – потому, что именно так было в пору их молодости, когда не было денег на более роскошный стол, когда всё было впереди – и успех, и слава, и богатство. И вот жена, увидев его в день премьеры с другой женщиной, окончательно утратив иллюзии, ждёт его в пустой квартире и накрывает стол: ситро и картошка в мундире… почему она это делает? Наверное, потому, что это незамысловатое меню – всё, что осталось от их некогда счастливого брака – последняя клеточка когда-то живого организма… Но мы же знаем, что даже в одной клетке заключён генетический код всего организма! Нам не рассказывают, как сложилась судьба Рощина после разрыва с Таней, но почему-то мне кажется, что ему, расставшемуся с этой «маленькой, но очень опасной хищницей», именно вид этих традиционных для

них с женой «блюд» напомнит, что и в его жизни была когда-то любовь истинная и надёжная – и может быть, он захочет «склеить разбитое»…

Безусловно, традиции бывают разные, и некоторые из них можно и нужно было «сбросить с корабля современности» – как, например, традиции брака по сговору и обязательного наследования детьми профессии родителей: с развитием цивилизации вред, приносимый ими, остался на прежнем уровне, а вот польза явно сошла на нет. Но те традиции, которые выдержали испытание временем, отменять поистине опасно: спросив «Почему надо?», мы незаметно для самих себя переходим к стадии «а почему, собственно, надо?» – и перестаём задумываться, что, быть может, действительно надо, раз кто-то когда-то предписал. Отменяя традиции, мы начинаем свысока смотреть на тех, кто был до нас, забывая, что к нашим услугам их мысли, изобретения, и даже их ошибки, чтобы нам было, на чём учиться – а наши мысли и творения пока ещё не пережили века, и неизвестно, переживут ли.

Держитесь за традиции, господа! Без них очень легко прийти к убеждению, что история этого мира началась с нашим рождением и закончится с нашей смертью – убеждению, которое и без того стало истинным бичом нашего времени (в тринадцать лет кажется, что эта иллюзия возвеличивает тебя – но в тридцать уже понимаешь, как это было бы грустно). Держитесь за традиции – древние и не очень: возможно, однажды вы обнаружите, что это последнее, что в вас осталось живого.

Рождество Христово

С чего начать разговор о Рождестве?

Об этом празднике можно говорить долго и много…

Можно порассуждать о Вифлеемской звезде – о том, какое астрономическое явление могло за ней стоять, и могло ли вообще…

Можно рассказать, что за Рождеством наступают святки – и вспомнить пленительные строки Пушкина и Жуковского, а также упомянуть о том, что большинство воспетых поэтами святочных обычаев не имеют ни к Рождеству, ни к христианской вере никакого отношения – а зачастую и противоположны ей…

Но хочется сказать о другом.

Несколько лет назад английские социологи провели опрос, касающийся Рождества – и вскрылась тревожная статистика: оказывается, подавляющие большинство британцев, празднующих Рождество, не знают, чему посвящён этот праздник! Напрашивается вопрос: как такое могло случиться в относительно благополучной «старой доброй Англии», где не было 70 лет воинствующего атеизма?

Возможно, в самом вопросе заключён ответ – всё дело в том самом атеизме: когда крестить ребёнка, праздновать христианские праздники и даже просто пойти в храм сродни подвигу – никто не станет делать это просто потому, что «так принято» и тем более – потому, что «так делают все». Кому же захочется рисковать всем неизвестно из-за чего?

Но времена меняются: уже лет двадцать к Рождеству и Пасхе украшают улицы, а праздничные православные богослужения транслируют по телевидению. Безусловно, у Православия в нашей стране положение особое… как его определить? Государственной религией не назовёшь (её в светском государстве не может быть в принципе), господствующей – увы – тоже… но особое положение действительно есть. Оно проявляется хотя бы в придании Рождеству статуса государственного праздника (заметим, что ни один мусульманский или иудейский праздник в России такой чести не удостоился) – но не только в этом.

Вот припомните, доводилось ли вам слышать когда-нибудь такие речи: «Я мог бы стать кришнаитом – но зачем они запрещают есть мясо?» или «Вообще-то я верую в Аллаха, но отказываться от спиртного не намерен»? Уверена, что ничего подобного вы не слышали… и я тоже. Любая религия накладывает на человека определённые ограничения, требует соблюдения каких-то правил; не нравится, не хочешь такие правила соблюдать – не исповедуй эту религию (в конце концов, никто в наше время никого ни к чему не принуждает). И все это понимают, когда речь идёт об исламе, буддизме, адвентистах или свидетелях Иеговы – и только к Православию отношение совершенно особое.

Только Православие не должно ничего предписывать своим приверженцам (ни постов, ни исповеди) и всё им должно разрешать: сидеть на богослужениях, вести службу на современном языке, а также однополые браки, внебрачное сожительство, аборты и т. д. и т.п., и даже требование покрывать голову в храме вызывает у современных дам бурю негодования, хотя касалось бы – неужели так трудно или унизительно надеть головной убор? Если в других религиях запреты и предписания воспринимаются как должное, то в отношении Православия они становятся поводом для многочисленных нападок и даже обвинений: дескать, Православная церковь, не желая идти на уступки времени, отпугивает от себя потенциальных прихожан.

Впрочем, такая позиция мне даже нравится: по крайней мере, это честно. Как заметил один пушкинский герой, «хочешь жить как мы – милости просим, не хочешь – проваливай». Но бывает и другое отношение.

Попробуйте – хотя бы в порядке эксперимента – сказать какому-нибудь знакомому (или знакомой): «Я не пью (соблюдаю пост, не пользуюсь косметикой, храню девственность

до брака) потому, что так предписывает мне православная вера». Почти наверняка вы услышите в ответ: «Ну и что? Я тоже православный (православная) – вот, и крестик у меня есть, и в церковь хожу на Рождество и Пасху – но я же выпиваю (никаких постов не соблюдаю, крашусь, сплю с парнем)». То есть запретов и предписаний как бы нет… в других религиях есть – а в Православии нет. Право же, лучше было бы этим людям снять крест и не приближаться к церкви: по крайней мере, никто не сказал бы, глядя на них: «Эти православные – сплошь пьяницы и развратники!».

Откуда же такое отношения к Православию? Не оттого ли, что за тысячу с лишним лет мы привыкли к нему, как привыкают к предмету мебели? Не может же, в самом деле, что-то запрещать стол или диван… Десятилетия атеизма задержали процесс превращения в привычку – но не остановили его, а привычка по определению не должна доставлять неудобств.

Мне вспоминаются пушкинские строки:

И сколько не любил бы Вас,

Привыкнув, разлюблю тотчас.

Религиозная вера должна иметь в своей основе любовь к Богу. Видимо, для этой любви привычка так же губительна, как для любви к женщине.

Татьянин день

Разумеется, речь у нас пойдёт не о святой Татьяне – о ней в связи с 25 января вспоминают разве что те, кто носит имя Татьяна (или их близкие). Для всех остальных Татьянин день – это день студентов, да и св. Татьяна стала покровительницей студенчества чисто случайно: в этот день в 1755 году императрица Елизавета Петровна подписала указ «Об учреждении Московского университета», поскольку это были именины матери И. Шувалова, носила бы эта уважаемая дама другое имя – была бы другая святая, но так уж получилось, что покровительницей студентов стала именно св. Татьяна, а днём студентов – именно 25 января. И сегодня мы поговорим о студентах.

Студенты… это слово вызывает множество воспоминаний и ассоциаций. Можно задуматься не только о собственной университетской молодости, но и о многовековой истории европейских университетов – Монпелье, Саламанка, Салерно – и многие другие города… Каких людей помнят эти университеты (и как студентов, и как преподавателей) – Себастиан Брандт, Арнольд де Вилланова, Роджер Бэкон, Андреас Везалий, Джордано Бруно… какие имена! А какие стихи писали средневековые студенты! Вот, хотя бы это:

Видимо, в те времена студенты любили погулять ничуть не меньше, чем сейчас… Однако, они ещё и учились – учились 10 лет (а не три с половиной года – как несколько лет назад устроили на заочном отделении моего родного факультета!), а кое-кто (судя по той же поэзии вагантов) ещё и возмущался – дескать, маловато, чему за какие-то 10 лет можно научиться! И между прочим, процитированное стихотворение (как и прочие творения средневековых выходцев из студенческой среды) написано на латыни – многие ли наши современники, даже сдав иностранный язык на «отлично», способны написать стихотворение по-английски или по-немецки? И эти студенты могли пройти пешком сотни километров, чтобы послушать лекции какого-нибудь знаменитого профессора… а посмотрите на гравюру, изображающую диспут в средневековом университете: представители противоположных точек зрения сидят по разные стороны решётки – видимо, студенческой братии ничего не стоило сцепиться на почве научных споров…

Я с тоской вспоминаю эту гравюру, когда на семинаре вижу перед собой студентов, набравших в рот воды. Я спрашиваю себя – почему? Ведь я же не заставляю их обсуждать, сколько бесов может поместиться на кончике иглы – я предлагаю вполне практические вопросы, ответы на которые могут пригодиться в их будущей профессиональной деятельности… Может, им просто неинтересно на моих занятиях – может, к профильным предметам они относятся по-иному?

Боюсь, что нет. Я беру в руки работу студента филологического факультета – будущего учителя-словесника. Работа занимает полторы страницы, количество грамматических ошибок исчисляется десятками – в то время как школьникам, которых этому студенту совсем скоро предстоит учить, «двойку» ставят уже за четыре ошибки. Может, это какой-нибудь отпетый двоечник, кандидат на отчисление? Я беру вторую работу, третью… десятую… двадцать первую… по все группе – картина ничуть не лучше. Нет, видимо, и специальные предметы не вызывают у них решительно никакого интереса.

Я могу понять такое отношение к учёбе у школьников: их приводят в школу в принудительном порядке (среднее образование у нас пока ещё обязательно), но этих-то никто в вуз силком не тащил – сами захотели поступать (наверное, потратили уйму родительских денег на репетиторов), сами выбрали вуз, факультет, специальность… Впрочем, работать по специальности не собирается практически никто – они этого и не скрывают. Тогда тем более непонятно, что они делают в университете: не влечёт наука – ну так иди в профессиональный лицей, становись каменщиком или штукатуром, швеёй или поварихой – и без работы не оста-

нешься, и зарабатывать будешь больше, чем иной интеллигент – зачем идти в вуз, зачем мучить и себя, и преподавателей, занимать чьё-то место, тратить впустую своё время и государственные деньги? Я ещё могу понять, почему так поступают молодые люди (для чего они любой ценой поступают в вуз, не имея ни малейшего желания учиться, известно всем) – но на упомянутом факультете большинство составляют девицы… Может, диплом о высшем образовании прибавляет девушке шансов на «ярмарке невест»?

Что ж, отрадно сознавать, что представители сильного пола начали интересоваться тем, что у избранницы в голове (а не только на противоположном конце тела) – но вообще-то государство финансирует обучение девушек с тем, чтобы через пять лет получить энное количество соответствующих специалистов (в данном случае – учителей-словесников, больше никуда с этим дипломом и не пойдёшь), не сродни ли такая учёба расхищению государственных средств? К тому же, пугает мысль: а вдруг девочке не удастся подцепить богатого мужа? Куда она пойдёт? Хорошо, если на панель – а вдруг она вспомнит, что у неё где-то завалялся диплом учителя русского языка и литературы – и пойдёт в школу? Подумайте, господа – ведь и наши с вами дети могут попасть к ней в ученики! Кто защитит нас от таких выпускников? Поистине, кровь стынет в жилах, когда думаешь, что подобного рода студенты могут быть на юридических факультетах или того хуже – в медицинских вузах… вот уж не приведи судьба судиться или заболеть чем-нибудь посерьёзнее насморка!

В связи со всем вышеизложенным, вношу рационализаторское предложение: возродить институты благородных девиц! Были в России при царе-батюшке такие учебные заведения – никакой профессии, никакой специальности не давали, готовили девушек к светской жизни… Вот пусть и теперь ББОИ (барышни без определённых интересов) обучаются хорошим манерам, танцам и что там ещё положено знать и уметь светской львице – так и преподаватели будут точно знать, чего требовать от таких студентов, и государство будет знать, чего ждать от таких выпускниц… И молодых людей, чья учебная мотивация сводится исключительно к нежеланию служить в армии, тоже принимать в эти институты – разумеется, при условии, что они согласятся носить женское платье!

Выходи в привольный мир,
К чёрту пыльных книжек хлам!
Наша родина – трактир,
Нам пивная – божий храм!

Февраль
День святого Валентина

Этот праздник не принадлежит к числу «красных дней календаря» – но нашему народу нравится, да и производители открыток неплохо на нём зарабатывают – а потому не вижу причин обойти молчанием День влюблённых. Конечно, святой Валентин имеет к этому празднику такое же отношение, как Иоанн Креститель к купальской ночи или библейский пророк Илия – к грозе, все легенды о том, что он кого-то там тайно венчал – именно легенды, причём не выдерживающие никакой критики (таинство Венчания было установлено уже после смерти этого святого), так что происхождение этого праздника – дело весьма тёмное: кто-то выводит его из Древнего Рима, кто-то – из средневековой Шотландии, но сам по себе День влюблённых – прекрасный повод поговорить о Любви… а когда родилось то, что мы называем любовью?

Любовь, влюблённость в том виде, как понимаем мы её сейчас (точнее, понимали до недавнего времени) родилась в эпоху Высокого Средневековья в Окситании – в южных провинциях современной Франции, которые иногда собирательно (и не совсем правильно) называют Провансом – родилась вместе с поэзией трубадуров, и даже трудно сказать, породила ли любовь поэзию или наоборот – настолько неразрывно они были связаны («Я влюблён – значит, я сочиняю кансону» – говорили тогда). Сейчас эту любовь называют «куртуазной», тогда называли «утончённой» – в противоположность грубому плотскому влечению. К слову, вопреки распространённому заблуждению, замужество Прекрасной Дамы вовсе не было её обязательным условием – попросту именно такая ситуация чаще всего складывалась на практике: знатных девиц выдавали замуж в 12 лет (а то и раньше), естественно, не спрашивая их согласия, причём жених чаще всего не испытывал к юной невесте никаких чувств (да и какие могут быть чувства у взрослого мужчины к малолетке?), воспринимая её исключительно как залог военно-политического союза с её отцом или опекуном – вот и получалось, что к тому времени, как женщина становилась взрослой и могла идти речь о каких-то осознанных чувствах, она уже несколько лет была замужем за человеком раза в два старше её, с которым её ничто (кроме брачных уз) не связывало, вот она и обращала взоры на ровесника – младшего сына какого-нибудь графа или барона, который (по причине безземельности) вполне мог быть неженатым…

Можно спорить о том, была «утончённая любовь» великосветской игрой или же за ней стояли истинные чувства. Думается, было и то, и другое – кто-то действительно любил, кто-то следовал моде, но с уверенностью можно сказать одно: никакого Дня влюблённых тогда не праздновали. Людям эпохи трубадуров не было необходимости выделять для Любви какой-то особый день – их любовь была с ними всегда.

И правда, если мы повнимательней присмотримся к «законам» куртуазной любви, то увидим, что средневековому влюблённому было не до праздников: сначала он должен был, не открывая своих чувств, совершать подвиги, посвящая их Даме – на этом этапе он назывался «таящимся» или «колеблющимся», если же эти усилия увенчивались успехом и Дама обращала на него внимание – он мог поведать ей о своей любви, перейдя тем самым в разряд «умоляющих». Если Дама благосклонно внимала мольбам «умоляющего» – он становился «услышанным». И, наконец, когда Даме было угодно выразить своё согласие на любовь, влюблённый переходил к высшей ступени куртуазного служения – «возлюбленный», или «слуга и друг», причём самое большее, на что он мог рассчитывать – это поцелуй Дамы.

А теперь подумаем: может ли всё это – хотя бы частично – примерить на себя современный человек?

Думается, что нет.

Во-первых, такая любовь требовала верности просто исключительной (так, один трубадур вырвал себе ноготь только за то, что позволил себе сложить кансону в честь другой дамы) – современный же человек жаждет так называемой свободной любви. Что это такое, понять довольно сложно, поскольку «свободная любовь» выглядит также противоречиво, как «холодное пламя» или «мёртвая жизнь»: любовь – это всегда привязанность, это синонимы, а быть привязанным, оставаясь при этом свободным, достаточно сложно (если не сказать – невозможно). Быть может, именно поэтому современный человек избегает слова «любить»: он не «любит», а «занимается любовью» – как занимаются спортом (никто же не чувствует себя чем-то обязанным брусьям или штанге).

Во-вторых, всё это слишком долго – у современного человека времени нет: он, в отличие от людей Средневековья, сексуально просвещён, он знает, что смысл любви не в страдании, а в удовольствии, а удовольствие можно получить только при условии полной «сексуальной совместимости». А девчонок… не называть же, в самом деле, почтительно Дамой источник удовольствия – этак можно докатиться до того, что начнёшь испытывать почтение к плитке шоколада или бутылке пива! – так вот, девчонок вокруг много, как узнать, с которой из них ты совместим? Правильно – перепробовать всех! Строго говоря, истинная сексуальная несовместимость встречается достаточно редко и выявляется очень просто – людям действительно несовместимым неприятен естественный запах друг друга – но так далеко сексуальное просвещение не распространяется, и вот начинаются эксперименты. Не та, опять не та… и невдомёк «герою нашего времени», что два существа не могут в одночасье слиться воедино, что нельзя получить наслаждение, не потратив ни времени, ни сил – да и девушки тоже «сексуально просвещённые», тоже знают, что «партнёр» обязан доставить им удовольствие – и совершенно не пытаются доставить удовольствие ему… а откуда возьмётся взаимное наслаждение, если ни одна сторона не пытается его ДАТЬ?

Но вот, наконец, подходящая «партнёрша» найдена. Вероятнее всего, она даже свободна – живём мы всё-таки не в Средние века – и можно бы под венец… о нет! «Штампа в паспорте» современный человек боится, как огня: как можно связывать любовь каким-то бюрократическими бумажками, любовь должна быть свободна, формальности губят её и т. д. и т. п. … Меня в таких рассуждениях всегда занимал один вопрос: если он и она любят друг друга – т.е. не представляют себе жизни друг без друга, хотят прожить вместе много лет «в горе и в радости, в болезни и здравии, пока смерть не разлучит» – чем их так пугает это пресловутый штамп в паспорте? Вроде бы ничем он в совместной жизни не мешает, а в несчастьях даже помогает избежать многих проблем: скажем, если один из супругов умрёт, не оставив завещания, другой автоматически становится наследником первой очереди – и никакого риска, что вдруг появится откуда ни возьмись какой-нибудь племянник или двоюродный дядя и со слезами на глазах вышвырнет безутешную вдову (или вдовца) из квартиры… Единственная проблема, которую этот самый штамп может создать – то, что нельзя просто так «разбежаться», но кто же думает об этом, когда любит, когда принимает решение о совместной жизни… стоп, а может, действительно думают?

О да, современный человек привык рассуждать здраво: предположим, сексуально мы совместимы, но откуда я знаю, сможем ли мы вместе жить – вдруг не сойдёмся характером, окажемся «разными людьми» и т.п.? Надо попробовать жить вместе, а там – может, и поженимся.

Рассуждения, конечно, очень логичные – и уже в первый (максимум – во второй) год совместной жизни наш герой убеждается, что был прав: подруга просто никуда не годится! Куда-то делась вся её красота – вечно ходит в домашнем халате, в тапочках (это вместо туфель на каблуках, которые делали её походку такой сексуальной!), а лицо, лишившись «боевой раскраски», стало каким-то блёклым. К тому же она постоянно зудит над ухом по поводу ненавистного быта – вот, сегодня опять весь вечер пилила: «Почини кран на кухне – ведь уже неделю тебе твержу, что он протекает!», а самое ужасное – регулярно уклоняется от выполне-

ния своих прямых обязанностей – то у неё голова болит, то она, видите ли, устала! Как можно жить с такой женщиной! Тем более, недавно он встретил женщину действительно привлекательную – она всегда красива, элегантно одета, постоянно им восхищается, а главное – всегда готова удовлетворить все его желания… богиня – да и только! Как жаль, что он так редко с ней видится (вот и сейчас позвонила и сказала: «Дорогой, сегодня мы не сможем встретиться»). И вот ситуация приходит к логическому разрешению: он уходит от надоевшей подруги (или выгоняет её – в зависимости от правового статуса жилища) – благо это совсем нетрудно, ведь штампа в паспорте нет – и воссоединяется со своей «богиней». Но – о, ужас! – что с ней стало! Как только начали жить вместе, она тоже надела халат и тапочки, начала жаловаться на усталость и головную боль, тоже требует починить кран, а по утрам, просыпаясь, приходится созерцать её некрашеную физиономию… какая досада, опять ошибся, опять выбрал не ту женщину!

С годами, сменив несколько сожительниц (давайте уж называть вещи своими именами!), наш герой, наверное, поумнеет и поймёт, что идеальную во всех отношениях женщину он не найдёт никогда – не найдёт по той простой причине, что нельзя постоянно ходить в вечернем платье и эротическом белье, что косметику иногда надо смывать, что всем людям свойственно уставать и болеть, а от обсуждения бытовых вопросов никуда не денешься при наличии общего быта… и он не предложит очередной возлюбленной жить вместе – дабы «богиня» не низверглась с пьедестала, оставаясь исключительно источником удовольствия. «Богини» периодически будут меняться: во-первых, однообразие убивает чувство, во-вторых, женщинам свойственно стареть – и не может же, в самом деле, сорокапятилетний мужчина в полном расцвете сил любить сорокалетнюю старуху. Впрочем, одну женщину он всё же оставит при себе в качестве постоянной сожительницы (или даже законной жены): должен же кто-то гладить ему рубашки и подавать ужин, а держать домработницу не всем по карману. Разумеется, он будет скрывать от неё своих многочисленных богинь, но будет уверен, что если вдруг она случайно узнает, то всё поймёт и простит: во-первых, живёт-то он всё-таки с ней (ей – и никому другому – предоставлена высочайшая честь стирать ему носки и убирать за ним посуду!) – за одно это она должна быть благодарна ему до конца дней; во-вторых, должна же она понимать, что мужчина по природе своей полигамен (что это за природа такая – совершенно неизвестно, даже в дикой природе не все виды животных полигамны – например, попугаи создают пары на всю жизнь – но почему-то Человек Разумный предпочитает быть хуже попугая). Возможно, у них даже будут дети – такие кричащие существа, которых он вынужден терпеть потому, что эта глупая домашняя курица не удосужилась вовремя искалечить себя абортами… детям он будет доказывать, что никакой любви на свете нет – и будет по-своему прав: в его жизни любви действительно нет. С таким же успехом он мог бы доказывать, что не существует физкультуры и спорта – на том основании, что лично он ни разу не прикоснулся к гантелям.

Быть может, в этом портрете – как в любом собирательном образе – сгущены краски, но возьмите любую его деталь – и вы убедитесь, что где-то уже встречали её: в блоге или на форуме, в газете или журнале, слышали от знакомого или сами говорили нечто подобное…

…А нам остаётся только гадать: почему празднование Дня влюблённых вошло в моду именно тогда, когда в сердцах остыла Любовь?

День Защитника Отечества

В пору моего детства этот праздник назывался Днём Советской Армии и Военно-морского флота. Позднее – соответственно веяниям времени – его переименовали в День Защитника Отечества. Помню, как возражали против такого переименования мои знакомые коммунисты – очень уж не хотелось им признавать, что и история, и боевая слава нашей страны начинаются задолго до Советской власти – а вот мне эта идея понравилась. Ведь и заслуги Советской армии, победившей фашизм, никто не отрицает – но вместе с ней в этот день теперь вспоминают и тех, кто сражался на Чудском озере, на Куликовом поле, под Полтавой… Этих героев ведь тоже надо помнить! И именно поэтому нам нужен такой праздник – нужен сейчас, как никогда.

Защитники Отечества у нас не в чести: мало того, что с воинами-современниками власти обращаются немногим лучше, чем с врачами и учителями (вот ведь тоже – сами не заметили, как эти профессии стали у нас критерием нищеты и унижения!), так ещё и «героям былых времён» достаётся.

Развелось немало историков (а может, выдающих себя за таковых?), кои в погоне за оригинальностью с пеной у рта доказывают, что и Ледовое побоище никакого стратегического значения не имело (так – вышли ребята мечами помахать), и татаро-монгольского ига не было (с кем, а главное – за что Дмитрий Донской воевал, на что его святой Сергий Радонежский благословил – непонятно), и Наполеоновскую армию победил исключительно «генерал Мороз» (не было ни героизма русских солдат, ни полководческого таланта М. Кутузова), а Зоя Космодемьянская вообще была психопатка, одержимая манией величия… Откуда у наших современников такая ненависть к собственной истории?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.